

I

Тенбридж, 15 июля 1739 г.

Милый мой мальчик!

Спасибо тебе за то, что ты беспокоишься о моем здоровье; я бы уже давно дал о себе знать, но здесь на водах не очень-то хочется писать письма. Мне лучше с тех пор, как я здесь, и поэтому я остаюсь еще на месяц.

Синьор Дзамбони расточает мне через тебя больше похвал, чем я того стою. А ты постарайся заслужить все, что он говорит о тебе; помни, что всякая похвала, если она не заслужена, становится жестокой насмешкой и даже больше того — оскорблением, и всего нагляднее обличает людские пороки и безрассудства. Это риторическая фигура, имя которой ирония: человек говорит прямо противоположное тому, что думает. И вместе с тем — это не ложь, ибо он ясно дает понять, что думает совсем не то, что говорит, а как раз наоборот. Например, если кто-нибудь хвалит отъявленного мошенника за его порядочность и неподкупную честность, а круглого дурака — за его способности и

остроумие, — ирония совершенно очевидна и каждый легко поймет, что это не более как насмешка. Вообрази, что я стал бы превозносить тебя за то, что ты очень внимательно штудируешь свою книгу, и за то, что ты усвоил и помнишь до сих пор все, что когда-то учил, — неужели ты сразу бы не заметил моей иронии, не почувствовал, что я смеюсь над тобой? Поэтому, когда тебя начинают за что-то превозносить, подумай хорошенько и реши, заслужил ты эту похвалу или нет; и если нет, то знай, что над тобой только издеваются и смеются; постарайся же в будущем быть достойным лучшего и сделать так, чтобы по отношению к тебе всякая ирония оказалась неуместной.

Передай от меня поклон м-ру Меттеру и поблагодари его за письмо. Он пишет, что тебе снова предстоит взяться за латинскую и греческую грамматики; надеюсь, что к моему возвращению ты основательно их изучишь; но, если даже тебе это не удастся сделать, я все равно похвалю тебя за прилежание и память. Прощай.

II

20 ноября 1739 г.

Милый мой мальчик!

Ты занят историей Рима; надеюсь, что ты уделяешь этому предмету достаточно внимания и

сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас: касательно их нам надлежит сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру и толкает на благие деяния; она показывает нам, как во все времена чттили и уважали людей великих и добродетельных при жизни, а также какую славою их увенчало потомство, увековечив их имена и донеся память о них до наших дней. В истории Рима мы находим больше примеров благородства и великодушия, иначе говоря — величия души, чем в истории какой-либо другой страны. Там никого не удивляло, что консулы и диктаторы (а как ты знаешь, это были их главные правители) оставляли свой плуг, чтобы вести армии на врага, а потом, одержав победу, снова брались за плуг и доживали свои дни в скромном уединении, — уединении более славном, чем все предшествовавшие ему победы! Немало величайших людей древности умерло такими бедными, что хоронить их приходилось на государственный счет. Живя в крайней нужде, Курий тем не менее отказался от крупной суммы денег, которую ему хотели подарить самнитяне, ответив, что благо отнюдь не в том, чтобы иметь деньги самому, а лишь в том, чтобы иметь власть над теми, у кого они есть. Вот что об этом рассказывает Цицерон: *Curio ad focum sedenti magnum auri pondus Samnites cum attulissent, repudiati ab eo sunt. Non enim aurum habere praeclarum sibi videri, sed iis, qui haberent aurum*

*imperare*¹. Что же касается Фабриция, которому не раз доводилось командовать римскими армиями и всякий раз неизменно побеждать врагов, то приехавшие к нему люди увидели, как он, сидя у очага, ест обед из трав и корней, им же самим посаженных и выращенных в огороде. Сенека пишет: *Fabricius ad focum coenat illas ipsas radices, quas, in agro repurgando, triumphalis senex vulsit*².

Когда Сципион одержал победу в Испании, среди взятых в плен оказалась юная принцесса редкой красоты, которую, как ему сообщили, скоро должны были выдать замуж за одного ее знатного соотечественника. Он приказал, чтобы за ней ухаживали и заботились не хуже, чем в родном доме, а как только разыскал ее возлюбленного, отдал принцессу ему в жены, а деньги, которые отец ее прислал, чтобы выкупить дочь, присоединил к приданому. Валерий Максим говорит по этому поводу: *Eximiae formae virginem accersitis parentibus et sponso, inviolatam tradidit, et juvenis, et coelebs, et victor*³. Это был замечательный пример сдержанности, выдержки и великодушия, покоривший сердца всех жителей Испании, которые, как утверждает Ливий, говорили: *Venisse Diis simillimum*

¹ Когда Курию, сидевшему у очага, самнитяне принесли много золота, он отверг его, ибо считал, что самое славное — это иметь не золото, а власть над теми, у кого оно есть (лат.).

² Фабриций, этот увенчанный славой старец, ест возле очага корни, которые сам же выкопал из земли (лат.).

³ Девушку необычайной красоты неоскверненной отдал родителям, которых для этого вызвал к себе, и жениху, сам будучи юн и холост и оказавшись победителем (лат.).

*juvenem, vincentem omnia, turn armis, turn benignitate, ac beneficiis*¹. Таковы награды, неизменно венчающие добродетель; таковы характеры, которым ты должен подражать, если хочешь быть прославленным и добрым, а ведь это единственный путь прийти к счастью. Прощай.

III

Понедельник

Милый мой мальчик!

Мне очень жаль, что я не получил вчера от м-ра Меттера тех сообщений о тебе, которых ждал с надеждой. Он тратит столько сил на занятия с тобой, что вполне заслужил, чтобы ты относился к ним внимательно и прилежно. К тому же теперь вот о тебе говорят как о мальчике, знающем гораздо больше, чем все остальные, — до чего же будет стыдно потерять свое доброе имя и допустить, чтобы сверстники твои, которых ты оставил позади, опередили тебя. Тебе не хватает только внимания, ты быстро схватываешь, у тебя хорошая память; но если ты не сумеешь быть внимательным, часы, которые ты просидишь над книгой, будут выброшены на ветер. Подумай только, какой стыд и срам:

---

¹ Прибыл юноша, подобный богам, и покорил всех не только силой оружия, но и щедротами своими и благодеяниями (лат.).

иметь такие возможности учиться — и остаться невеждой. Человек невежественный ничтожен и достоин презрения; никто не хочет находиться в его обществе, о нем можно только сказать, что он живет, и ничего больше. Есть хорошая французская эпиграмма на смерть такого невежественного, ничтожного человека. Смысл ее в том, что сказать об этом человеке можно только одно: когда-то он жил, а теперь — умер. Вот эта эпиграмма, тебе трудно будет выучить ее наизусть:

Colas est mort de maladie,
Tu veux que j'en pleure le sort;
Que diable veux-tu que j'en die?
Colas vivait, Colas est mort¹.

Постарайся не заслужить имени Кола, а я непременно буду называть тебя так, если ты не будешь хорошо учиться, и тогда эта кличка за тобой утвердится и все будут звать тебя Кола, а это много хуже, чем Шалун.

Ты читаешь сейчас «Древнюю историю» Роллена: пожалуйста, имей всегда при себе карты, когда читаешь; мне хочется, чтобы месье Пельнот показал тебе на них все места, о которых написано в книге. Прощай.

---

¹ Кола заболел и умер,
Ты хочешь, чтобы я оплакивал его судьбу.
Но что я могу сказать о нем?
Кола жил. Кола умер (*фр.*).

IV

Суббота

Милый мой мальчик!

Коль скоро ты хочешь, чтобы тебя называли полиглотом, надеюсь, что ты постараешься заслужить право на это имя, а для этого надо быть внимательным и прилежным. Должен тебе сказать, что слова олух или Кола звучат отнюдь не столь благородно, но помни также, что нет ничего смешнее, чем когда человека называют благородным именем, а люди вокруг знают, что он этого не заслужил. Например, было бы неприкрытой иронией назвать какого-нибудь безобразного парня Адонисом (который, как ты знаешь, был до того красив, что сама Венера в него влюбилась), или назвать какого-нибудь труса Александром, или невежду — полиглотом, ибо всякий легко догадается, что это — насмешка. И м-р Поуп очень верно замечает: «Мы хвалим дураков лишь смеха ради».

Вслед за поступками, которые заслуживают того, чтобы о них написать, ничто не приносит человеку столько чести и не доставляет ему столько удовольствия, как писать то, что заслуживает прочтения. Плиний Младший (ибо было два Плиния — дядя и племянник) говорит об этом так: *Equidem beatos puto, quibus Deorum munere datum est, aut facere scribenda, aut legenda scribere; beatissimos*

*vero quibus utrumque*¹. Пожалуйста, обрати внимание на свой греческий язык, ибо надо отлично знать греческий, чтобы быть по-настоящему образованным человеком, знать же латынь — не столь уж большая честь, потому что латынь знает всякий и не знать ее — стыд и срам. Не говорю уже о том, что, отлично изучив греческий, ты гораздо лучше сможешь разобратся в латыни, ведь множество латинских слов, в особенности технических, взяты из греческого. Под техническими словами понимаются слова, относящиеся к различным наукам и ремеслам... Вот почему словарь, разъясняющий термины, относящиеся к различным ремеслам, носит название «Lexicon Technicum», или «Словарь искусств и ремесел». Прошай.

V

Без даты

Милый мой мальчик!

Посылаю еще несколько латинских корней, хоть и не очень уверен, что они так же придутся тебе по вкусу, как коренья, что растут в огороде; тем не менее, если ты серьезно займешься ими, они могут избавить тебя от больших неприятностей. Те немногие, которые ты получишь, разумеется, привлекут

---

¹ Поистине считаю блаженными тех, кому милостью богов даровано либо делать то, что достойно написания, либо писать то, что достойно прочтения: блаженнейшими же — тех, кому даровано и то и другое (*лат.*).

твое внимание и ко многим другим и дадут тебе возможность, зная корневую основу, путем сравнения изучить большинство производных и сложных слов. Тебе уже достаточно лет, чтобы сознательно относиться ко всему, что тебе приходится изучать, и ты даже не представляешь себе, сколько времени и труда ты сбережешь, если будешь сознательно относиться к делу. Помни, что тебе очень скоро исполнится девять лет — возраст, в котором каждый мальчик должен уже немало всего знать, а в особенности — ты, чье воспитание потребовало таких усилий и такой заботы. Если же ты не оправдаешь возлагаемых на тебя надежд, то потеряешь свое доброе имя, а это — самое унижительное для человека благородного. У каждого человека есть свои стремления, свое честолюбие, и он бывает огорчен, когда обманывается в своих ожиданиях; разница только в том, что у людей глупых само честолюбие тоже бывает глупым и устремлено не туда, куда следует, у людей же умных честолюбие законно и достойно всяческой похвалы. Например, если бы честолюбие какого-нибудь глупого мальчика твоего возраста сводилось к тому, чтобы хорошо одеваться и тратить деньги на разного рода сумасбродства, это, разумеется, не свидетельствовало бы о его достоинствах, а только о безрассудстве его родителей, готовых наряжать его как куклу и давать ему денег, чтобы этим его испортить. Умный же мальчик стремится превзойти своих сверстников, и даже тех, кто старше его, — как знаниями, так и нравственными своими качествами. Он горд тем, что всегда говорит

правду, что расположен к людям и им сочувствует, что схватывает быстрее и учится старательнее, чем другие мальчики. Все это подлинныя доказательства его внутреннего достоинства и, следовательно, достаточныя основания для честолюбия; качества эти утвердят за ним хорошую репутацию и помогут ему выработать твердый характер. Все это в равной мере справедливо не только для детей, но и для взрослых: честолюбие глупца ограничивается стремлением иметь хороший выезд, хороший дом и хорошее платье — вещи, завести которые с таким же успехом может всякий, у кого много денег, ибо все это продается. Честолюбие же человека умного и порядочного заключается в том, чтобы выделиться среди других своим добрым именем и быть ценным за свои знания, правдивость и благородство, качества, которые нигде не могут быть куплены, а могут быть приобретены только тем, у кого ясная голова и доброе сердце. Таким было честолюбие лакедемонян и римлян, когда они прославились больше всех остальных народов; таким, надеюсь, всегда будет и твое. Прощай.

VI

Среда

Милый мой мальчик!

Ты так хорошо вел себя в воскресенье у м-ра Бодена, что тебя нельзя не похвалить. К тому же

ты воодушевляешь меня на то, чтобы преподавать тебе кое-какие правила вежливости и хорошего тона, и я уверен, что ты будешь их соблюдать. Знай же, что так же, как образованность, благородство и честь совершенно необходимы для того, чтобы заслужить уважение и восхищение людей, вежливость и хорошие манеры не менее необходимы, чтобы сделаться желанным и приятным в беседах и в повседневной жизни. Выдающиеся достоинства, такие как честь, благородство, образованность и таланты, возвышают человека над большинством; люди, не обладающие этими достоинствами, не могут правильно оценить их в других. Но зато все люди ценят достоинства второстепенные, как-то: учтивость, приветливость, обязательность, деликатное обхождение и умение себя вести, потому что они ощущают их благотворное действие, — встречаться с такими людьми в обществе бывает легко и приятно. Хорошие манеры во многих случаях должны диктоваться здравым смыслом; одни и те же действия, вполне корректные при определенных обстоятельствах и в отношении определенного лица, при других обстоятельствах и в отношении другого лица могут выглядеть совершенно иначе. Но есть некоторые общие правила хорошего воспитания, которые всегда и для всех случаев остаются в силе. Так, например, при любых обстоятельствах очень грубо звучат ответы «да» или «нет», если вслед за ними не следуют слова «сэр», «милорд» или «мадам», в зависимости от того, кем является твой собеседник, точно так же, как, го-

воря по-французски, ты всякий раз должен добавлять слова: «месье», «милорд», «мадам» и «мадемуазель». Ты, разумеется, знаешь, что по-французски всякую замужнюю женщину называют мадам, а всякую незамужнюю — мадемуазель. Равным образом, надо быть очень невоспитанным человеком, чтобы оставить без внимания обращенный к тебе вопрос, или ответить на него невежливо, или уйти, или заняться чем-то другим, когда кто-то заговорил с тобою, ибо этим ты даешь людям понять, что презираешь их и считаешь ниже своего достоинства их выслушать, а тем более им ответить. Мне думается, я не должен говорить тебе, как невежливо занимать лучшее место в комнате или сразу же накидываться за столом на понравившееся тебе блюдо, не предложив прежде отведать его другим, как будто ты ни во что не ставишь тех, кто тебя окружает. Напротив, следует уделить им всемерное внимание. Надо не только уметь быть вежливым, что само по себе совершенно необходимо, высшие правила хорошего тона требуют еще, чтобы вежливость твоя была непринужденной и свидетельствовала о том, что ты истинный джентльмен. Здесь тебе следовало бы присмотреться к французам, которые достигли в этом отношении редкого совершенства и чья учтивость кажется столь же естественной и непринужденной, как и все их обхождение с людьми. Что же касается англичан, то манеры их часто бывают неуклюжи, и всякий раз, когда они стараются быть вежливыми, они до того стыдятся и робеют, что их непременно постигает

неудача. Прошу тебя, никогда не стыдись поступать так, как должно: у тебя были бы все основания стыдиться, если бы ты оказался невежей, но чего ради тебе стыдиться своей вежливости? И почему бы тебе не говорить людям учтивые и приятные слова столь же легко и естественно, как ты бы спросил их, который час? Такого рода застенчивость — французы правильно называют ее *mauvaise honte*¹ — очень характерна для английских остолопов: эти до смерти пугаются, когда к ним обращаются люди светские, а когда приходит черед отвечать им, краснеют, бледнеют, заикаются, бормочут что-то глупое и несуразное и действительно становятся достойными смеха от одного только ни на чем не основанного опасения, что над ними будут смеяться. А меж тем человек действительно хорошо воспитанный, случись ему говорить даже со всеми королями мира, так же не стал бы волноваться и держался бы столь же непринужденно, как если бы он говорил с тобой.

Помни, что только человека вежливого и такого, у которого вежливость эта непринужденна (что, собственно говоря, и есть признак его хорошего воспитания), любят и хорошо принимают в обществе, что человек дурно воспитанный и грубый просто непереносим и всякое общество старается от него избавиться и что человек застенчивый неминуемо становится смешон. Так как я вполне уверен, что ты запомнишь все, что я говорю, и последуешь

---

¹ Ложный стыд (фр.).